

Рожэ Мартэн дю Гар

Когда Мартэн дю Гар получил Нобелевскую премию, газеты, — даже французскія, не говоря об иностранных, — оказались в затруднительном положеніи. Официальныя агентства сообщили о лауреатѣ лишь весьма краткія свѣдѣнія: год рожденія, заглавія главных книг. Эти 15-20 строк и появились в большинствѣ газет. Присужденіе Нобелевской преміи французскому писателю вызывает во Франціи сравнительно мало шума, — вѣроятно, потому, что французской литературѣ награда эта доставалась гораздо чаще, чѣм англійской, русской и итальянской вмѣстѣ взятым. Тѣм не менѣе, всемъ извѣстно, что Нобелевская премія — высшее мировое отличіе, могущее выпасть на долю писателя, и в той же Франціи присужденіе ея Бергсону, Анатолю Франсу или Мистрало было встрѣчено совершенно иначе.

Не было на этот раз и обычных замѣток в анекдотической хроникѣ газет. Никаких анекдотов о Мартэн дю Гарѣ, очевидно, не ходит. Книгу «*Martin du Gard en pantoufles*» и представить себѣ невозможно. Кажется, и в лицо в Парижѣ его знают лишь немногіе друзья. Мнѣ приходилось встрѣчать почти всехъ извѣстных французских писателей, а его я никогда не видал, хоть он и состоит или, по крайней мѣрѣ, числится членом Международнаго писательскаго союза. Один из писавших о нем людей отмѣтил его «*haine de l'exhibitionnisme*»; другой сказал, что на фонѣ «джунглей», в которыя превратилась современная литература, Мартэн дю Гар выдѣляется тѣм, что стоит совершенно в сторонѣ от кружков, от рекламы, от лютыя борьбы за существованіе. Этот коренной парижанин и живет обычно в провинціи.

Литература о нем весьма невелика, да и та появилась лишь в началѣ текущаго года: брошюра Рене Лалу, страниц в тридцать, еще нѣсколько статей. Самое присужденіе ему преміи оказалось довольно неожиданным: имена Валери, Дюгамеля, Рони, даже Эстонье назывались в газетных предсказаніях много чаще. Встрѣчено было рѣшеніе Шведской академіи, в общем, сочувственно, но

появились, по столь, казалось бы, неподобающему для рѣзкостей поводу, и двѣ весьма рѣзкія статьи: одна — Анри Массиса *), другая — Леона Додэ **).

Мартэн дю-Гар родился в Парижѣ, в 1881 году, в старой католической, дворянской, хоть незнатной, семьѣ. Как сообщает Лалу, его предку в 17-ом вѣкѣ было пожаловано имѣніе Гар, вслѣдствіе чего буржуазная, повидимому, семья получила дворянскую частицу. Дѣды его и прадѣды, издавна живущіе в Парижѣ, были в большинствѣ судьи или адвокаты. Учился он в лицеях Кондорсэ и Жансон де Сайи, затѣм в Ecole des Chartes, и по выходѣ из нея занимался археологіей. Первым его печатным произведеніем был археологическій труд об аббатствѣ Жюмисж; это толстый том, страниц в триста.

Отец Мартэн дю Гара долго не соглашался на то, чтобы сын избрал литературную профессію. Двадцати лѣтъ отроду он все же выпустил первый роман «Devenir», который никакого успѣха не имѣл и который сам автор позднѣе назвал «плохой юношеской книгой». Затѣм, по словам писавших о нем людей, он «сжег» в рукописи два романа. Это до нѣкоторой степени литературно-біографическое клише. Сожженіе части «Мертвых душ» нанесло тяжелый удар русской литературѣ, но украсило біографію Гоголя. Впоследствии о патетическом, но ненужном актѣ сожженія разными авторами их трудов мы стали читать очень часто, чуть не в каждой біографіи. Может быть, Мартэн дю Гар и не сжег рукописи, а спрятал ее в ящик, используя для других работ удачныя страницы, которыя могут оказаться в самой неудачной книгѣ. В 1913 году появился его роман «Жан Баруа», имѣвшій нѣкоторый, хотя отнюдь не шумный, успѣх (книги молодого писателя печатал его школьный товарищ, извѣстный издатель, Галлимар). Затѣм он написал пьесу «Завѣщаніе отца Леле» для театра Vieux-Colombier. И, наконец, приступил к своей многотомной «Семьѣ Тибо»; она принесла ему славу и Нобелевскую премію.

Война прервала на четыре года его литературную дѣятельность. Первый том серіи появился лишь в 1922 году. Мартэн дю

*) Henri Massis. Lectures. — Revue Universelle, 1 Février 1938.

***) Léon Daudet. Le cas de M. Roger Martin du Gard. — Action Française, 4 Février 1938.

Гар обосновался в провинціи: он живет, кажется, то в Беллэмѣ, то в Приморских Альпах, изрѣдка прїѣзжая в Париж. Лѣтъ восемь тому назад он тяжело пострадал при несчастном случаѣ с автомобилем, пролежал нѣсколько мѣсяцев в провинціальной больницѣ и сжег один из томов серіи: «Appareillage». Послѣдніе три тома «Семьи Тибо», названные «Лѣто 1914 года», вышли лишь в прошлом году. Нѣсколько лѣтъ тому назад появилась прекрасная книга его «Старая Франція», с подзаголовком «Сельскіе очерки».

Биографія краткая, без фабулы, непригодная для *vie romanesque*. Жизнь простая, трудолюбивая, исполненная достоинства. Шведская Академія присудила премію талантливому писателю, оберегающему достоинство литературы.

Надо, разумѣется, сказать нѣсколько слов и об его политических взглядах. Политика, «рок нашего времени», захватила литературу, как захватила всю жизнь.

Политическая критика занялась Мартэн дю Гаром лишь в самое послѣднее время. Называю ее критикой, дабы не называть бранью. Британскій премьер недавно сказал: «Кто стоит на виду, должен себя пріучить к тому, чтобы не обращать вниманія на оскорбленія». Благодаря Нобелевской преміи, автор «Семьи Тибо» оказался на виду. Анри Массис назвал его «человѣком, лишенным чувства чести и сознанія національнаго интереса», и выражал удивленіе по тому поводу, что присужденіе Мартэн дю Гару отличія Шведской академіи не вызвало протестов во французской печати: «Отмѣчали его достоинство, безкорыстіе», — пишет Массис, — «ставили в примѣръ то, что он ничего себя не выпрашивает (неужели это так рѣдко?), что его фотографіи не появляются в газетах, что он создал себя жизнь независимую, уединенную и безшумную. Все это, быть может, хорошо, но это нас не интересует; между тѣм, из-за этого были забыты тенденціи и идеи, проявившіяся в «Лѣтѣ 1914 года». — Еще гораздо рѣзче выражается Леон Додэ: «*écrivain assommant, dormitif et pluvieux...*», «*ses lavasses en plusieurs volumes...*», *son navet couronné Et é 1 9 1 4 est une mauvaise action*», и т. д.

Тенденціи, проявившіяся в «Лѣтѣ 1914 года», заключаются в том, что, описывая предшествовавшіе войнѣ дни, автор не отмѣчает огромной разницы между Франціей и Германіей: нѣмцы, мол, виноваты, и французы тоже не менѣе виноваты. Случай в ис-

торіи литературы рѣдкій: в критической статьѣ о романистѣ, удостоившемся Нобелевской преміи, в опроверженіе его взглядов, дѣлались ссылки на сборники официальных документов, на слова Вильгельма II, Пуанкаре, графа Тиссы, цитировались Чирскій, Ягов, Лихновскій, Каутскій!

Не скрою, если возложить на Мартэн дю Гара отвѣтственность за все то, что в его романах говорит революционер-интернационалист Жак Тибо, то критику правой печати можно было бы признать во многом справедливой: в самом дѣлѣ, не Франція напала в 1914 году на Германію, а Германія на Францію. Но романист, изображающій революционера-интернационалиста, естественно должен вкладывать в уста своего героя рѣчи, подобающія революционеру-интернационалисту. В книгах Мартэн дю Гара дѣйствуют и другія лица; они говорят у него совершенно другое.

Это вопрос старый и сложный. В былыя времена наша художественная критика в значительной мѣрѣ сводилась к спору с автором о мыслях, высказываемых тѣм или иным героем его романа. Сколько печатных листов было написано хотя бы о словах профессора Николая Степановича в «Скучной исторіи» Чехова: «Каждое чувство и каждая мысль живут во мнѣ особняком, и во всѣх моих сужденіях о наукѣ, театрѣ, литературѣ, учениках... даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то значит, нѣтъ и ничего». Не говорю о нѣкоторых мыслях героев Достоевскаго, — о них написаны цѣлыя книги. Степень сочувствія самого писателя идеям вымышленных им людей может быть только угадываема. В большинствѣ случаев ее угадать можно. Но спорить об этом довольно трудно. Нѣкоторое стремленіе стать в конфликтъ 1914 года уж очень *au dessus de la mêlée* у Мартэн дю Гара как будто есть, и оно дѣйствует непріятно не только на французских националистов. Замѣчу, однако, что, в отличіе от Ром. Роллана, он в Швейцарію во время войны не уѣзжал. Напротив, всѣ четыре года служил на фронтѣ, — правда, во вспомогательных частях, на должности шоффера военнаго грузовика. В защитѣ своей страны он участвовал и войну видѣл вблизи. Придавать обидный оттѣнок слову «пацифист» не обязательно.

От себя, без посредства вымышленных лиц, Мартэн дю Гара высказывался мало; мнѣ его политическіе взгляды извѣстны лишь в общих, основных чертах. Ни к какой партіи он не принадлежит

и практической политикой не занимается. Приходилось слышать, что он, с оговорками, сочувствует «неосоциализму демократического вида». Об этом говорят, как будто, его личные и литературные связи. Некоторое сомнение тут все же допустимо. Демократия предполагает веру в народ; с поправкой на расстояние, отделяющее практическую политику от чувств, лежащих в ее истоках, демократия предполагает даже любовь к народу, хотя бы теоретическую и довольно умеренную (как у многих больших демократических деятелей). В романах Мартэн дю Гара и следов такой любви нет. Этот демократ, повидимому, народа терпеть не может.

Из народной жизни им написаны две комедии. Они не очень сценичны и успеха иметь не могут. «Завещание отца Леле», вдобавок, сначала было написано на диалекте провинции Берри, мало понятном парижанам. Затем сам автор перевел его на народный французский язык, со значительной примесью диалекта *). Тенденция пьесы ни в какой мере не «народническая». В очень мрачном виде описан народ и в печатавшейся в «Марианн» «Старой Франции». Мрачность названных произведений Мартэн дю Гара, впрочем, особая. Никаких зверств он не описывает, грязи не размазывает, Зола ничем не напоминает. И вместе с тем, люди из народа в его изображении оставляют у читателя впечатление полной безнадежности.

В «Старой Франции» священник Верн, проживший с народом всю жизнь, думает: «Наша старая страна больна склерозом. Каждый заботится только о себе, о своей торговле, о своих сбережениях... На веку многих поколений, ежедневная забота об экономии убила в людях все благородные инстинкты. Создалась порода недоверчивая, завистливая, расчетливая, разведенная жадностью, как язвой. Неужели так было всегда?.. В течение долгих веков эти маленькие люди преклоняли колени в нашей церкви, от которой теперь бегут. Что, однако, влекло их к нам? Любовь? Веры? Духовная потребность, теперь у них атрофированная? Может быть, просто страх: они боялись Бога, боялись и духовенства, по привычке почитали твердо установленный порядок?..» — В той

*) Не всякому французу, думаю, известно, что, например, *blette* значит *betterave*, что *afaubretti* значит *abruti*, и что *eau* произносится в Берри *iaa*, а *mort* — *mourt*. К отдельному изданию своей пьесы Мартэн дю Гар приложил словарь.

же книгѣ другой старик говорит: «Деньги... Деньги... Прежде все-го деньги... Всѣ хотят денег: булочник, контролер, почтальон. Всегда деньги. А хуже всего то, что их ни у кого нѣтъ».

Что, если сдѣлать Мартэн дю Гара отвѣтственным и за эти мысли? Ход их, быть может, таков: «Народ» гадок, и «буржуазія» тоже гадка, — уж если выбирать, так идти с народом». — Называть это «неосоціализмом» незачѣм. Впрочем, это слово ровно ничего не значит.

Художник?

Как почти у всякаго писателя, у Мартэн дю Гара нѣкоторые произведенія не идут в счет; отношу сюда и оба юношеских романа. Одной его книги я, къ сожалѣнію, достать не мог. Не буду касаться другой, в которой, довольно неожиданным образом, отда-на и им почти обязательная нынѣ дань Фрейдю, — вѣроятно, именно она подала Жаку Копо повод говорить о «тягѣ къ безнравственности и анархіи» Мартэн дю Гара. По настоящему идут в счет «Старая Франція», в чисто-художественном отношеніи одно из лучших его произведеній, и серія «Семья Тибо», теперь почти законченная (ожидается еще небольшой ея эпилог). Не излагаю, разумѣется, содержанія этой серіи. В ней рассказана исторія двух французских семейств, — католическаго и протестантскаго; как ни странно, во французской литературѣ это различіе обычно не только отмѣчается, но и подчеркивается, — какой-то забавный пережиток в искусствѣ не то Нантскаго эдикта, не то его отмѣны.

— Над всей художественной литературой нашего времени, — говорит англійскій критик, — возвышаются три гигантских творенія: «Война и мир», «В поисках утраченнаго времени» и «Улисс». Никакое другое произведеніе с ними сравниваемо быть не может, и нѣтъ теперь сколько-нибудь выдающагося прозаика в мірѣ, который не испытал бы вліянія одного из них.

Это, разумѣется, преувеличеніе. Что до Мартэн дю Гара, то о вліяніи на него Пруста говорить никак не приходится. С «Улиссом» же он, вѣрно, и знаком не был в ту пору, когда начиналъ «Семью Тибо»: міровая слава Джойса создалась лишь в послѣднее десятилѣтіе, а во Францію пришла с опозданіем. Другое дѣло — Толстой. В своей стокгольмской рѣчи Мартэн дю Гар назвал себя его учеником и послѣдователем. К сожалѣнію, полный текст рѣчи пока нигдѣ не появился (что тоже не свидѣтельствует о

большом вниманіи к писателю), и я могу о нем судить только по немногочисленным и довольно коротким отчетам во французских газетах. Повидимому, новый нобелевскій лауреат имѣл в виду Толстого-художника. В самом дѣлѣ, Толстой-философ и моралист почти ничего не мог бы одобрить из того, что говорят дѣйствующія лица Мартэн дю Гара, и «любимыя», и тѣм болѣе любимыя.

В художественном отношеніи, разумѣется, автор «Семьи Тибо» кое-чѣм обязан Толстому. Можно было бы указать страницы и главы, в которых это влияніе никаких сомнѣній вызывать не может (назову для примѣра честолюбивыя мечты Антуана Тибо во втором томѣ серіи). Тѣм не менѣе, учеником и послѣдователем Толстого я Мартэн дю Гара не назвал бы. Уж если устанавливать литературную генеалогію этого писателя, то прежде всего пришлось бы вспомнить Балзака, и отчасти Ром. Роллана.

Добавлю, что и сам Мартэн дю Гар оказал несомнѣнное влияніе на нѣкоторых новѣйших французских писателей. Едва-ли не от первых томов «Семьи Тибо» пошли довольно многочисленныя изображенія подростков в современной французской литературѣ. Да и самый тип *roman-fleuve* возродился во Франціи в значительной мѣрѣ благодаря ему. В первые годы послѣ войны нарижскіе издатели считали многотомный роман дѣлом совершенно невозможным — «читатель этого не желает: ему скучно». Сам Мартэн дю Гар в предисловіи к своей серіи писал просто и откровенно: «Я выпустил бы этот труд без всякаго введенія, если б мог издать его сразу цѣликом. Но напечатать одновременно роман в восьми или десяти томах, — это экстравагантный поступок, котораго в наши дни себѣ не позволит разумный издатель, как бы ни возвышалась над коммерческими соображеніями его фирма. Поэтому мнѣ придется издавать свое произведеніе по частям, с промежутком в нѣсколько мѣсяцев между томами. Прошу читателя не искать *essei* в каждом из слѣдующих один за другим отрывков и временно принять то, что, за недостатком общей перспективы, может ему показаться беспорядочным или неясным».

В беспорядочности или неясности «Семью Тибо» упрекнуть было бы трудно. Дѣлаю оговорку: недостатки-ли «беспорядочность и неясность»? Роман — самый свободный из всѣх видов искусства; в этом главное его очарованіе. Кто установил его правила? Какой большой романист правил не нарушал? Историков, соціо-

логов порою отпугивает бессистемность искусства. Ключевскій говорил (едва-ли, впрочем, вполне искренно), что пробовал читать «Анну Каренину» и не дочитал: «путанно, скучно»... Естество-испытатель, быть может, этого и не сказал бы: ему достаточно известно, как беспорядочна природа, как беспорядочна жизнь. Почему литература призвана вносить порядок в хаос?

С этим не надо, разумеется, смѣшивать тѣ виды беспорядка, которые происходят от систематическаго невниманія, от вѣчной сѣшкы, от неуваженія автора к своему труду. Мартэн дю Гар этим не грѣшит. В его книгах были найдены фактическія ошибки: так, из Нормальной школы нельзя выйти первым; в церкви Мадлен, по случаю мобилизаціи, никак не мог «гремѣть колокол» (Лалу, Билли). Но этих ошибок немного, и сходныя ошибки встрѣчаются даже у великих мастеров, у самого Толстого, — в его ранних произведеніях. В «Казаках» (правда, со ссылкой на преданіе, но без оговорки) сообщается, что Иван Грозный склонял казаков-старовѣров жить с ним в дружбѣ, общая не принуждать их к переменѣ вѣры; хотя исправленіе церковных книг было начато еще Максимом Греком, все же эти «казаки-старовѣры» лѣтъ за сто до патріарха Никона вызывают нѣкоторое недоумѣніе.

У Мартэн дю Гара серьезное изученіе предмета, большая подготовительная работа чувствуются постоянно. К сожалѣнію, они даже чувствуются слишком сильно. Подлинныя документы вставлять в романы можно, а иногда и необходимо, но злоупотреблять этим приѣмом нельзя. Между тѣм в романѣ «Жан Баруа», содержаніе котораго переплетается с дѣлом Дрейфуса, почти двадцать страниц (стр. 256-273) представляют собой выдержку из стенографическаго отчета о процессѣ Зола! В первых томах «Семьи Тибо» (на мой взгляд, наиболѣе удачных), Мартэн дю Гар отказался от этого сомнительнаго приѣма, — их дѣйствіе непосредственно и не связано с историческими событіями. В «Лѣтѣ 1914 года» тот же приѣм возрождается как в прежней, так и в нѣсколько иной формѣ: в длинных, чрезмерно длинных, политических разговорах дѣйствующих лиц романа; эти разговоры иногда просто пересказывают брошюры и газетныя статьи того времени.

Знаю, что тут большая трудность, сложный, почти неразрѣшимый вопрос, стоящій едва-ли не перед каждым романистом. Каков должен быть діалог в романѣ? Дѣйствующія лица могут го-

ворить так, как говорят люди в жизни: с повтореніями, с ошибками, с обмолвками, иногда безтолково, необдуманно, почти никогда не «блистательно». Таков часто (хоть не всегда) діалог в романах Толстого. Спор Левина с Кознышевым о народном образованіи очень похож на жизнь и характерен для обоих братьев, — в этом его художественное оправданіе. Но сам по себѣ он не интересен; доводы, которые Кознышев приводит в доказательство пользы школ и повивальных бабок, нас не интересуют; не очень интересовали они, вѣроятно, и людей семидесятых годов. Кончается же разговор тѣм, что «Сергѣй Иванович перенес вопрос в область философскія — историческую, недоступную для Константина Левина, и показал ему всю несправедливость его взгляда». Однако, именно этой части спора Толстой не дает: монолог Кознышева был бы непохож на жизнь; он был бы похож на книги, не замѣняя книг; никаких новых черт он в Козышевѣ не обнаружил бы, а уже извѣстных не подчеркнул бы. Возможен другой приѣм: діалог, исполненный мысли, остроумный, блестящій, какой мы находим у нѣкоторых выдающихся западно-европейских писателей, от Анатоля Франса до Гексли. Но в жизни так обычно не говорят и талантливые люди; такой разговор идет в ущерб художественной правдѣ романа *). Притом, самый блестящій діалог может в романѣ занимать лишь сравнительно небольшое мѣсто. Между тѣм касается он предметов, о которых написаны философскія, политическія, историческія книги. С этим почти неизбѣжно связано нѣкоторое впечатлѣніе «поверхностности».

Думаю, что общаго рѣшенія, обязательных правил в этом вопросе нѣтъ и быть не может. Все должно быть предоставлено художественному чутью романиста. Чутье это несомнѣнно измѣнило Мартэн дю Гару в послѣдних томах «Семьи Тибо». Его революціонеры (и не-революціонеры) говорят о событіях лѣта 1914 года слишком много; в сущности половина, если не три четверти, книги сводится к их разговорам. Это могло бы быть оправдано и с художественной точки зрѣнія, если б разговоры были по содержанию особенно новы и глубоки или по формѣ очень блистательны, если б в них, на фонѣ больших исторических событій, создавались или проявлялись живые люди. К сожалѣнію, этого

*) Еще больше эта трудность в произведеніях литературы драматической. В комедіи попыткой выхода из него был діалог пьес Ноэля Коуарда.

нѣтъ. Между тѣмъ, для серьезнаго сужденія о событїяхъ и спорахъ 1914 года люди все же будутъ обращаться не къ произведенію Мартэн дю Гара, а опять-таки къ документамъ, къ брошюрамъ, къ воспоминанїямъ, къ Пуанкаре, Тиссе, Чирскому, Лихновскому.

Со всѣмъ тѣмъ, и в послѣднихъ томахъ серїи (представляющихъ собой, думаю, нѣкоторое художественное паденіе, — точно не тотъ человѣкъ писалъ) есть страницы прекрасныя. В первыхъ томахъ «Семьи Тибо» и в «Старой Франціи» такихъ страницъ очень много. Мартэн дю Гар писатель весьма замѣчательный и, при легкой наклонности къ *фотографіи*, талантливый, с честью поддерживающій балзаковскую традицію во французской литературѣ. Отвѣчаетъ-ли его творчество старой формулѣ: «Дѣйствіе, характеры, стиль»? Формула эта совершенно вѣрна, но в полной-ли?) ей удовлетворяютъ развѣ лишь нѣсколько человѣкъ в міровой литературѣ романа. В книгахъ Мартэн дю Гара нѣтъ недостатка въ фабулѣ; тѣмъ не менѣе, в нѣкоторыхъ томахъ «Семьи Тибо» ясно чувствуется паденіе и виѣшняго, и внутренняго напряженія, — дѣло идетъ, конечно, не об «интригѣ» в вульгарномъ смыслѣ слова. Его характеры (самое важное) какъ будто живы, но отнюдь не обладаютъ той степенью жизненной правды, какая свойственна дѣйствующимъ лицамъ Толстого, Пруста, даже Диккенса или Тургенева; чуть-чуть условны и схематичны и отецъ, и оба сына Тибо. О стилѣ Мартэн дю Гара предоставимъ окончательное сужденіе французамъ. Это дѣловой языкъ говорящаго дѣло человѣка, не гоняющагося ни за отточенностью, ни за музыкальностью фразы, ни за словесными эффектами, — стиль, быть можетъ, все же чуть блѣдноватый. Едва-ли какой-либо знатокъ станетъ утверждать, что «по одной фразѣ» узнаетъ Мартэн дю Гара, — впрочемъ, опять-таки «по одной фразѣ» можно признать в каждой литературѣ развѣ двухъ-трехъ писателей.

Большое его достоинство в томъ, что онъ никогда о пустякахъ не пишетъ. Если в послѣднее время стали возможны протесты противъ безсюжетной живописи, еще недавно причислявшіе человѣка къ «передвижникамъ», то безсюжетная беллетристика, кажется, осуждена всѣмъ новѣйшимъ развитіемъ литературной исторїи, по крайней мѣрѣ, в нынѣ господствующихъ странахъ: в Англии, во Франціи, в Соединенныхъ Штатахъ (при жизни Толстого, онъ совершенно обезпечивалъ господство русской литературѣ). Темы Мартэн дю Гара почти всегда очень серьезны. Имъ отвѣчаетъ и

его тон: серьезный, достойный, сосредоточенный, — тот тон, который во Франці почему-то принято называть «протестантским». Именно в этом отношеніи он напоминает Ром. Роллана тѣх времен, когда автор «Жан-Кристофа» еще не примыкал к коммунистам (ах, эти «примыкающіе»!).

Общее впечатлѣніе читателя: крупный писатель, умный и талантливый писатель, но как будто лишенный «последняго благословенія». Может быть, придет и оно, — в условном смыслѣ этого слова. Вѣдь оно также «вырабатывается», обновляется, приходит не сразу, иногда приходит в то время, когда от человѣка уже больше ничего не ждут даже его поклонники. Верди было семьдесят четыре года, когда он написал «Отелло»; большой знаток, отнюдь не бывший поклонником «Травиаты», «Риголетто» и «Трубадура», писал, что за «Отелло» «можно отдать не только всего Верди, но и три четверти Вагнера». Мартэн дю Гару еще нѣтъ шестидесяти лѣтъ.

М. Алданов.